

В современных условиях особенную актуальность приобретает сопоставление правовой деятельности с правовой практикой. Ранее сопоставление правовой деятельности и правовой практики обычно переводилось в более узкую плоскость анализа соотношения между юридической деятельностью и юридической практикой. Так, юридическая практика подразделялась в советской литературе на правотворческую, правоисполнительную и правоохранительную [11, с.6]. Одним из первых предложил рассматривать проблемы юридической практики в более широком контексте В.В. Ершов, который (весьма справедливо, на наш взгляд) включал в это понятие не только правотворческую, правоприменительную, но и ту часть правореализационной практики, которая представлена практикой добровольной реализации правовых норм: соблюдение, исполнение и использование [3, с.67]. Однако сохранял свои позиции и традиционный («узкий») подход к определению юридической практики, согласно которому она представляет собой деятельность компетентных субъектов по изданию (толкованию, применению и т.п.) юридических предписаний, взятая в единстве с накопленным социально-правовым опытом [4, с.388]. В современных условиях широкий подход находит все больше своих сторонников, что делает возможным и даже необходимым исследование соотношения правовой деятельности и правовой практики. Так, В.М. Сырых считает, что юридическая практика охватывает всю предметно-практическую деятельность общества и государства по созданию норм права и их переводу на уровень конкретных правоотношений. В нее входят процессы правотворчества и формирования права, правоприменения и реализации норм права действиями граждан и иных субъектов гражданского общества, направленными на возникновение, изменение или прекращение конкретных правоотношений [15, с.115-124]. Последнее мнение представляется правильным и В.А. Петрушеву, но с еще одним дополнением: «Нужно только заметить, что юридическая практика (как и юридическая деятельность) трактуется в юридической литературе как категория, охватывающая собой лишь области правотворчества и реализации права. Между тем если понимать юридическую практику в ее широком смысле, то она не сводится только к правотворчеству и реализации права. Она включает в себя также юридическую науку и юридическое образование» [7, с. 77-78]. Однако плодотворному исследованию соотношения правовой деятельности и правовой практики не способствует то обстоятельство, что в современном российском правоведении до сих пор высказываются различные и достаточно противоречивые взгляды на объем понятий судебной и иной юридической практики. Одни авторы (С.С. Алексеев, С.Н. Братусь, А.В. Венгеров) понимают судебную практику как объективированный опыт правовой деятельности компетентных органов государственной власти и должностных лиц, связанный с выработкой таких своеобразных нормативных регуляторов, как правоположения. По мнению

других авторов (А. Герлох, И.Я. Дюрягин, В. Кнапп), юридическая практика представляет собой только юридическую деятельность. Компромиссная позиция представлена группой авторов (В.К. Бабаев, В.Н. Карташов, В.И. Леушин), которые рассматривают юридическую практику в единстве правовой деятельности и сформированного на ее основе социально-правового опыта [6,13]. В.М. Сырых, анализируя приведенные точки зрения, считает, что правильный подход к соотношению рассматриваемых категорий возможен лишь с учетом философского подхода к фундаментальной гносеологической категории «практика». По его мысли, ближе всего к данному подходу понимание юридической практики как единства юридической деятельности и накопленного социально-правового опыта [15, с.115-124]. Думается, что приведенные суждения имеют под собой серьезные научные и практические основания. Но многие дискуссионные аспекты обусловлены тем, что одинаковым термином могут обозначаться различные общественные явления. В связи с этим хотелось бы предложить несколько иной подход к рассматриваемой проблеме, во-первых, с учетом нашего представления о терминах «правовой» и «юридический» как не совсем совпадающих по объему [18, с. 39-43], а во-вторых, с учетом различных смысловых значений слова «практика», о чем следует сказать отдельно. В известном толковом словаре русского языка приводится пять значений слова «практика», и лишь два из них близки к тем, которые подразумеваются спорящими сторонами: «1. Деятельность человеческого общества по устройению своей жизни, усилия, прилагаемые им к разрешению выдвигаемых жизнью задач. 2. Совокупность приемов и навыков в какой-нибудь области деятельности. // Опыт какой-нибудь сферы деятельности, какой-нибудь области общественных отношений» [17]. При этом четко просматривается, что позиция С.С.Алексеева, С.Н. Братуся, А.Б. Венгерова исходит из второго значения слова «практика», а большинство остальных авторов опираются на первое более глобальное значение этого слова. Законодатель часто оперирует словосочетанием «судебная практика». Так, согласно ст. 126 Конституции РФ Верховный Суд РФ является высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции, осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за их деятельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики. Эти конституционные положения воспроизводятся в федеральных законах, регулирующих деятельность судебной системы в Российской Федерации. В частности, в п. 5 ст. 19 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» говорится о том, что Верховный Суд РФ дает разъяснения по вопросам судебной практики [12]. Аналогичное положение содержится в п. 5 ст. 23 названного закона по отношению к Высшему Арбитражному Суду РФ. В ст. 9 Федерального конституционного закона т

28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 06.12.2011 г.) "Об арбитражных судах в Российской Федерации" и ст. 9 Федерального конституционного закона от 07.02.2011 г. № 1 ФКЗ (ред. от 01.12.2012 г.) «О судах общей юрисдикции» дублируется это положение [1]. Ознакомление с постановлениями Конституционного Суда РФ приводит к выводу, что не философский подход к пониманию практики, а только специфический юридический смысл истолкования слова «практика» (сложившаяся правоприменительная практика, судебная практика и т.д.) близок и понятен всем практикующим юристам и именно им оперирует Конституционный Суд РФ [8]. Например, в одном из его постановлений говорится: «...Конституционный суд принимает решение, оценивая как буквальный смысл оспариваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой» [14]. Аналогичный вывод можно сделать, изучив постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Пленумов Высшего Арбитражного Суда РФ, в которых употребляются термины «судебная практика», «практика применения договора», «практика Европейского Суда по правам человека» и т.п. [9]. Суть этого специфического юридического смысла достаточно четко сформулировал В.В. Ершов: «Важно подчеркнуть необходимость взгляда на судебную практику как на устоявшуюся линию в деятельности судебных органов [5, с.21], ибо к судебной практике (разрешению однотипных дел аналогичным образом) можно отнести лишь правоположения, воспринятые судебными инстанциями при рассмотрении конкретных дел» [3, с.68]. Действительно, большинство дискуссий, которые ведутся в отечественном правоведении в связи с юридической практикой (юридическая сила правоположений, судебная практика как источник права и т.д.), теряют всякое значение при ее отождествлении с юридической деятельностью. Интересно, что даже в Интернет-праве как одном из новых направлений развития юридической науки и практики преобладает более узкое, не философское понимание судебной практики. Так, И.М. Рассолов пишет: «На наш взгляд, под судебной практикой здесь необходимо понимать проводимые в решениях взгляды судей на какой-либо правовой вопрос в виртуальном пространстве, имеющие руководящее значение при решении судами аналогичных вопросов в дальнейшем» [10, с.24]. При этом не важно, как видим, включать или нет те или иные элементы юридической деятельности (ее результат, оформление результата, целеполагание и др.) в понятие категории «юридическая практика». Строго говоря, широкий подход делает использование отдельной категории «юридическая деятельность» излишним, поскольку тогда в рамках судебной практики как разновидности юридической, понимаемой в философском смысле, можно охватить все ее проявления, что, кстати, особенно заметно в определениях судебной практики «в широком смысле». К примеру, В.П. Реутов писал, что «судебная практика в широком смысле слова – это деятельность судов по изданию судебных актов, ведущих к возникновению,

изменению или прекращению правоотношений» [11, с.8]. Еще категоричнее высказывается Г.Т. Ткешелиадзе: «Судебная практика в широком значении охватывает деятельность всех звеньев судебной системы по рассмотрению конкретных судебных дел» [16, с.14]. На наш взгляд, ничем не улучшает ситуацию компромиссная позиция, при которой юридическая практика выступает как единство юридической деятельности и накопленного социально-правового опыта, если четко не пояснять, о какой юридической деятельности в данном случае идет речь. Если имеется в виду единство самой той деятельности, опыт которой обобщается и накапливается (например, вся деятельность по рассмотрению конкретных дел в судах в единстве с устоявшейся линией их рассмотрения), то правовая специфика юридической практики становится неразличимой, а эвристическое значение такого широкого (философского) понятия в юриспруденции становится сомнительным и в чем-то противоречащим тому смыслу, который используется законодателем. Эти недостатки преодолеваются, если судебную практику (как разновидность юридической) определять, как В.В. Ершов, во-первых, в качестве специфической разновидности общественной практики, характеризующейся выработкой и применением правоположений индивидуального судебного регулирования и толкования в постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, судебных постановлениях по конкретным делам, воспринятых судебными и правотворческими органами с целью регулирования индивидуальных особенностей общественных отношений, дальнейшего совершенствования и развития законодательства, поддержания правовой системы в состоянии подвижного равновесия; во-вторых, в качестве обобщенного результата этой деятельности – совокупности правоположений индивидуального судебного регулирования и толкования [3, с.72]. Как следует из этого достаточно подробного определения, под юридической деятельностью, которая включается в содержание судебной практики, имеется в виду не деятельность по рассмотрению конкретных дел, а весьма специфическая ее разновидность – деятельность по выработке, применению и восприятию правоположений, сопровождающая и дополняющая собственно юридическую деятельность по отправлению правосудия. Думается, что при таком понимании судебной практики от нее легко отграничить собственно судебную деятельность, т.е. деятельность судов по рассмотрению конкретных юридических дел. Данные общетеоретические рассуждения могут послужить методологическим основанием для окончательного определения соотношения юридической деятельности и юридической практики. А затем – с учетом нетождественности юридической деятельности и деятельности правовой – и для сопоставления правовой практики и правовой деятельности. Полагаем, что юридическая деятельность как совершаемые компетентными органами юридически значимые акты по разработке правовых текстов (законов, судебных

решений и т.д.), в которых возводятся в обязательный ранг официальные эталоны правовой деятельности (в том числе и для самой юридической как для деятельности политико-правовой), не может быть отождествлена с юридической практикой как устоявшейся линией (опытом) в этой деятельности. Правовая деятельность определяется нами как такая социально значимая активность (свобода выбора и свобода самовыражения), которая специально осуществляется субъектами как носителями субъективных прав и юридических обязанностей в различных сферах общественной жизни для удовлетворения их разнообразных потребностей специфическим духовно-практическим способом (в рамках правоотношений) и которая поэтому признается обществом (фактически) и государством (официально, формально) правильной, справедливой, а в случае необходимости – дающей возможность вынести решение и вызвать юридически значимые последствия. С этих позиций юридическая деятельность (правотворческая, правоприменительная и т.д.), будучи в основной своей массе в современном обществе также «правовой» и даже упорядоченной посредством процедурных или процессуальных норм права, имеет своей целью организацию и контроль за всей правовой деятельностью путем принятия государственно-властных решений как общего, так и индивидуального характера. В современном обществе такая деятельность должна носить профессиональный и государственно-властный характер. Имея в виду содержательный аспект юридической деятельности, ее цели и результаты, можно еще раз заметить, что в этом смысле она отличается от остальной правовой деятельности [18]. Но это отличие не может повлиять на возможность применения выводов о соотношении юридической деятельности и юридической практики к рассматриваемому вопросу. Отстаивая и в этом случае нетождественность категорий «правовая практика» и «правовая деятельность», понимая под правовой практикой сформированный на основе правовой деятельности всех субъектов (а не только компетентных органов) опыт, можно уточнить и приведенное ранее весьма плодотворное высказывание В.М. Сырых. И хотя данный автор использует словосочетание «юридическая практика», думается, что тот широкий смысл, который вкладывается им в это понятие, вполне адекватен нашему пониманию «правовой» в аспекте его различения с термином «юридический». Итак, в правовую практику входит устоявшаяся линия процессов правотворчества и формирования права, правоприменения и реализации норм права действиями граждан и иных субъектов гражданского общества, всех физических и юридических лиц, направленных на возникновение, изменение или прекращение конкретных правоотношений. Что же касается приведенного ранее предложения включать в нее юридическую науку и юридическое образование (В.А. Петрушев), то не сами по себе они как важные направления правовой деятельности, а объективированный результат их осуществления может рассматриваться как специфическая практика научных политико-правовых

исследований и практика педагогической деятельности в области юриспруденции. Таким образом, правовая практика и правовая деятельность – неразрывно связанные явления правовой жизни общества. При определении их понятий следует учитывать, что класс обобщаемых с их помощью «предметов» – правовых действий субъектов – одинаков. Однако понятие «правовая деятельность» по своему содержанию включает в себя характеристику самих поступков людей в правовой сфере (таких признаков, как их правильность, юстициабельность, юридическая значимость и т.д.). Что же касается понятия «правовая практика», то оно характеризует накопленный результат осуществления правовой деятельности или, точнее, устоявшуюся линию в этой деятельности с точки зрения сложившихся в ходе осуществления этих поступков приемов и навыков, объективированный в ряде случаев в правовоположениях (если эта деятельность осуществляется уполномоченными на это субъектами и приобретает черты деятельности юридической).